

Глава 38:

«Путь культивирования долгий и сложный. Ты должна иметь высокую решимость и быть в состоянии вынести то, что обычные люди не могут вынести. Твое сердце должно быть твердым, чтобы иметь возможность двигаться вперед с неукротимой волей...» Его дочь решила научиться фехтованию, что очень понравилось Яо Цзюсяо. Его усилия в последние несколько дней тонко воздействовать на любопытство ребенка не были напрасны. Однако он не сразу научил ее приемам фехтования. Вместо этого он начал с основного урока культивирования.

Два человека, один большой и один маленький, сидели лицом к лицу, паря над рябью голубого озера. Ноги Лу Яояо были слишком короткими, поэтому она не могла сидеть со скрещенными ногами, как Яо Цзюсяо. Она озиралась по сторонам, тряся двумя маленькими пучками на макушке, вытянув вперед две пухлые ножки. Пучки были связаны парой красных ниток. Каждый был украшен двумя маленькими бусинками, которые мерцали под солнечными лучами.

В ярких глазах Лу Яояо был любопытный взгляд. Пухлыми ручками она касалась пространства под ее маленькой попкой и ногами, но ничего не чувствовала. Здесь ничего не было, так почему она могла сидеть неподвижно? Как загадочно!

«Поняла?» Холодный голос снова прозвучал несколько беспомощно.

Лу Яояо подняла голову и снова посмотрела на Яо Цзюсяо. Моргнув, она наклонила голову, и повторила: «Поняла.»

После этого ее выражение вдруг стало растерянным. Что только что сказал отец? Она невнимательно слушала.

«...» Яо Цзюсяо беспомощно вздохнул. Забудь это. Ребенок был еще маленьким. Она постепенно поймет, когда вырастет.

«Не имеет значения, если ты не понимаешь. Просто храни мои слова в своем сердце, и ты поймешь позже.»

Лу Яояо кивнула, а затем с любопытством спросила: «Отец, почему мы можем сидеть в воздухе?»

«Когда ты добьешься успеха в своем культивировании, ты, естественно, сможешь это сделать.»

«Ух ты!»

«Когда я добьюсь успеха в своем культивировании? Это будет завтра?» Лу Яояо уже была в ожидании.

«...Культивирование не может быть развито в одночасье. Нужно быть стойким...»

Лу Яояо моргнула. Учение отца было таким глубоким, она не могла понять. Но из того, что только что сказал отец, казалось, что она не сможет сделать это завтра, поэтому Лу Яояо была разочарована.

Яо Цзюсяо уставился на свою дочь. Если его ученик осмеливался сделать это во время урока, он наказывал непослушного ученика. Но перед собственной маленькой дочерью он не хотел говорить резко.

После того, как Яо Цзюсяо вложил в ее мозг много глубоких уроков, Лу Яояо, наконец, была подавлена.

Лу Яояо ступила ногой на землю и поспешно взмахнула своим маленьким деревянным мечом: «Отец, научи меня владеть мечом!»

Яо Цзюсяо: «...» Он говорил долго, все впустую.

Яо Цзюсяо был озадачен настойчивым требованием Лу Яояо и быстро поддался на уговоры. Он начал учить ее простейшему движению. Лу Яояо изо всех сил старалась повторять, но она старалась слишком сильно. Деревянный меч в ее руках пролетел в воздухе полукруг, из-за чего ее маленькое тело развернулось и она потеряла равновесие. В следующий момент Лу Яояо рухнула на землю на задницу. Маленькая девочка подняла свое пухлое лицо и растерянно посмотрела на отца, как будто не понимая, почему она упала.

Яо Цзюсяо улыбнулся и тепло сказал: «Это не имеет значения, просто больше практикуйся.»

Лу Яояо счастливо улыбнулась. Она взяла маленький деревянный меч и продолжила отрабатывать прием. Яо Цзюсяо научил ее только очень простому движению мечом. Лу Яояо быстро приняла позу, но из-за того, что ее маленькое тело еще не развилось, она легко потеряла равновесие. Потренировавшись несколько раз, она, наконец, перестала падать.

«Вы двое... что вы делаете?»

Когда Лу Цинюй вернулся с охоты, он увидел Лу Яояо, стоящую у озера и практикующую фехтование с Яо Цзюсяо. Лу Цинюй слегка прищурился и посмотрел на Яо Цзюсяо с убийственным намерением.

Лу Яояо совершенно не обращала внимания на опасную ауру, испускаемую ее папой. Увидев, что Лу Цинюй вернулся, она радостно пробежала мимо и воскликнула: «Папа, папа, смотри! Я изучаю владение мечом с отцом!»

Лу Яояо переполняло волнение. Ее щеки покраснели, и она сразу же показала результат сегодняшней практики Лу Цинюю. Гордо покрасовавшись, девушка подняла голову и посмотрела вверх. Ее светлые глаза блестели, явно прося похвалы.

Лу Цинюй едва сдерживал свое убийственное намерение и изо всех сил старался улыбнуться и выдать похвалу: «Яояо потрясающая.» Потом он вынул кнут и сказал спокойно: «Смотри внимательно. Папа покажет тебе кое-что более удивительное.»

Лу Яояо наклонила голову. Что-то еще более удивительное?

Лу Цинюй холодно улыбнулся и взмахнул кнутом. Когда он появился снова, хвост кнута обернулся вокруг меча Яо Цзюсяо, который попытался заблокировать атаку. Затем двое почтенных снова начали драться. Кнут Лу Цинюя был безжалостным, а его атаки подавляющими. На первый взгляд казалось, что он одержал верх.

Лу Яояо широко раскрыла рот.

Кнут в руке Лу Цинюя казался живым. Он взлетел в воздух, выглядя чрезвычайно могущественным и властным. Обыграв своего соперника на некоторое время, Лу Цинюй остановился. Затем он улыбнулся дочери: «Ну как? Разве папа не потрясающий?»

«Удивительно! Папа потрясающий!»

«Хочешь научиться?»

Лу Яоя мгновенно кивнул: «Да!» Она тоже хотела быть такой же властной, как папа!

Лу Цинюй мгновенно широко улыбнулся: «Хорошее дитя.»

Яо Цзюсяо, которого избили: «...»

Лу Цинюй присел на корточки и погладил Лу Яоя по голове. Его голос был очень нежным: «Если ты учишься управлять кнутом, то ты должна перестать учиться управлять мечом у этого парня!»

Хм? Это так? Лу Яоя не хотела: «Разве я не могу выучить и то, и другое?» Она хотела быть такой же элегантной и могущественной, как отец, и она также хотела быть такой же потрясающей и властной, как папа. Ей было очень трудно выбрать только одного.

Улыбка Лу Цинюя стала шире: «Маленькая принцесса действительно амбициозна.»

Яо Цзюсяо нахмурился: «Это неуместно.»

Хотя было возможно изучить более одного оружия, очень немногие культиваторы могли использовать двойное натальное оружие. Поэтому Яо Цзюсяо был не согласен. Первоначально он чувствовал, что воспользовался преимуществом, тонко повлияв на Яоя, чтобы она практиковала владение мечом, поэтому он не сопротивлялся и позволил Лу Цинюю излить свой гнев. Но сейчас он посмотрел на свою дочь, которая жаждала узнать все. Этому ребенку еще предстояло понять значение выбора натального оружия.

Лу Цинюй счастливо рассмеялся: «Что в этом такого? Я считаю, что это очень уместно.»

Его маленькая принцесса должна быть уникальной.

«Папа согласен, чтобы ты выучила и то, и другое.» Лу Цинюй повернул голову, чтобы посмотреть на Яо Цзюсяо, его улыбка стала холодной: «Если ты не согласен, тогда она должна просто бросить свою практику меча.»

Яо Цзюсяо: «...» Его просто так побили?

Лу Яоя не понимала колкостей, скрытых между разговором двух ее отцов. Услышав, что она может научиться и мечу, и кнуту, она вскочила от радости.

Однако радость Лу Яоя длилась недолго. Вскоре она поняла, что отец и папа снова начали ссориться, и атмосфера между ними была очень напряженной.

«С завтрашнего дня Яоя будет учиться с кнутом днем и учиться с мечом ночью.»

«Меч днем и кнут ночью.»

«Днем...»

«Ночью...»

Лу Яоя посмотрела на отца, потом на папу. Эта сцена показалась ей знакомой, и она

почувствовала, что скоро ее охватит злость.

Действительно, через некоторое время Лу Цинюй посмотрел на Лу Яояо и сказал: «Яояо, что ты думаешь?»

Лу Яояо оказалась под пристальным взглядом двух своих отцов. Давление было очень высоким. Она отвела глаза и быстро сказала: «Папа, отец, как насчет того, чтобы еще раз подраться? Кто бы ни выиграл, я буду тренироваться с ним утром, а с тем, кто проиграл днем.»

Яо Цзюсяо: «...»

Лу Цинюй: «...»

Лу Цинюй тихо спросил: «А как насчет ночи?»

Лу Яояо мгновенно запаниковала. Такой суровый? Папа с отцом даже ночью ее не отпустят? Ей придется тренироваться весь день и всю ночь?

Лу Яояо выпрямилась и самодовольно заявила: «Я собираюсь играть с отцом и папой ночью!» Ей также нужно время, чтобы играть! Хотя узнавать что-то новое казалось забавным, она все же хотела иметь свободное время, чтобы поиграть!

Услышав эту причину, Лу Цинюй и Яо Цзюсяо не возражали и перестали ссориться. Лу Яояо была еще молода, и ей нужно было практиковаться весь день. Ей также потребуется по крайней мере еще два или три года, прежде чем она официально начнет культивировать. Пока не пришло время, в лучшем случае они позволяли ей учиться играя. Поэтому Лу Цинюй и Яо Цзюсяо решили, что тот, кто останется дома с ребенком, будет нести ответственность за ее игру и занятия.

Увидев, что два ее отца наконец перестали ссориться, Лу Яояо вздохнула с облегчением и вытерла несуществующий пот. Ей действительно было нелегко!

С того дня у Лу Яояо появилось еще две забавы. Одно было научиться обращаться с деревянным мечом с отцом, а другой — научиться обращаться с кнутом с папой. Лу Яояо была очень рада, что отец и папа играют с ней каждый день, но через несколько дней охота спала, и она почувствовала, что тренировки уже не были такими веселыми, как раньше. Думая, что ее друзья должны были уже отбыть свое наказание, Лу Яояо быстро бросила двух своих отцов и пошла на поиски других детенышей.

Сун Сяоци и другие детеныши действительно были жестоко избиты своими родителями и старшими, но они быстро пришли в себя. Хотя их задницы все еще были немного опухшими, как только они услышали зов своего друга снаружи, они тут же выбежали на максимальной скорости и наслаждались давно потерянным воссоединением.

Детеныши не виделись всего пять или шесть дней. Но для них это было похоже на пять или шесть сезонов. Ласково обняв друг друга, они стали сравнивать только что пережитые трагические наказания.

Лу Яояо слушала со стороны, сокрушенно обнимая своих пушистых друзей. Простого слушания их истории было достаточно, чтобы она почувствовала их боль. Её же наказали только тем, что она стояла лицом к стене. Она даже не стояла долго, что было очень удачно по сравнению с ее маленькими друзьями.

Обменявшись всхлипывающими историями, группа зверята снова начала прыгать вверх и вниз. Вся гора Цаншань, казалось, была перевернута ими. Увидев гиперактивных детенышей, взрослые демоны ругались со стороны, но на их лицах была широкая улыбка. В эти несколько дней в Цаншане не было детенышей, из-за чего здесь было гораздо менее оживленно, чем обычно.

Возможно, энергия молодых зверят действительно была безграничной. После целого дня прыжков у них еще оставалась энергия, чтобы пошуметь дома. Лу Яояо сегодня повеселилась со своими друзьями. По ночам она прыгала на своей кровати, делясь с отцом и папой интересными историями о своих друзьях.

«Сяоци так жалко. Её задница была избита родителями докрасна и распухла. Даже сегодня опухлость ещё не прошла! Я поделилась мазью, которую дал мне отец, с Сяоци, и опухоль сразу исчезла!» Лу Яояо рассказывала с гордостью.

Лу Циньюй не понимал, почему ребенок может так много говорить. Она говорила без умолку, не останавливаясь ни на секунду. Одной рукой он уложил Лу Яояо, другую положил ей на живот: «Малышка, тебе пора спать. Иначе твоя маленькая попка тоже распухнет.»

Лу Яояо была прижата к кровати, но это не могло помешать ей извиваться влево и вправо. Маленькая девочка была бесстрашна и все еще полна энергии. Она двигала своими короткими ногами вверх и вниз, время от времени смеясь.

Лу Циньюй какое-то время уговаривал Лу Яояо, но она отказывалась спать. Наконец, он в отчаянии сказал: «Яо Цзюсяо, уложи свою дочь спать.» Говоря это, он отошел и лег в свое обычное кресло. С глаз долой, из сердца вон.

Яо Цзюсяо молча шагнул вперед и лег рядом с Лу Яояо. Он взял ее на руки и слегка похлопал по спине: «Веди себя хорошо. Ложись спать.»

Лу Яояо повернулась к Яо Цзюсяо и кокетливо сказала: «Отец, спой мне колыбельную~»

Яо Цзюсяо: «...»

«Сяоци сказала, что, хотя его мать била его, она также пела колыбельную, чтобы уговорить его уснуть.» Она никогда не слышала колыбельной! Лу Яояо мило моргнула: «Я тоже хочу послушать колыбельную~»

Яо Цзюсяо был беспомощен. Увидев, что ребенок отказывается ложиться спать, пока он не споет ей колыбельную, он на мгновение замолчал, прежде чем запел единственную песню, которую знал.

«У гор есть деревья, а у деревьев есть ветви, мое сердце для тебя, но ты не знаешь...»

Когда Лу Циньюй услышал, как Лу Яояо требует, чтобы Яо Цзюсяо спел ей колыбельную, он хихикнул, готовясь увидеть позор соперника. Великий Почтенный Дао явно никогда не имел никакого отношения к пению, а Лу Циньюй даже считал, что Яо Цзюсяо не знает ни одной песни. Однако, когда неумелый голос начал петь знакомую мелодию, Лу Циньюй резко встал. Выражение его лица резко изменилось.

Лу Циньюй повернул голову и огляделся. Через мгновение он развернулся и вышел из дома.

Глаза Яо Цзюсяо были прикованы к дочери, он не обращал внимания на другого мужчину. Он

пел романтическую песню своим холодным голосом, что придавало ей особое очарование.

Под аккомпанемент песни своего отца Лу Яояо вскоре заснула. Яо Цзюся некоторое время наблюдал за своей дочерью. Убедившись, что она действительно спит, он тихо встал с постели и вышел из деревянного дома.

Лу Цинюй стоял у озера, глядя в спокойную воду. На поверхности озера словно появилось улыбающееся женское лицо в сопровождении знакомого мягкого и сладкого голоса.

«Высшее благо подобно воде, чистое и прозрачное.» Слово "чистый" встречается также в "река чистая, а море спокойное". Я хочу подарить вам этот чистый и мирный мир... теперь тебя будут звать Цинюй? Что касается твоей фамилии... как насчет моей фамилии Лу?»

Выражение лица Лу Цинюя смягчилось, а его взгляд стал чрезвычайно нежным, как будто он смотрел на любимую женщину.

Ее красивое лицо постепенно покрылось кровью. Женщина лежала на земле, вся в крови, и ее прерывистый голос звенел:

«Люди и черти, мы все-таки разные...»

Улыбка на губах Лу Цинюя внезапно застыла, а его выражение мгновенно стало чрезвычайно холодным и безразличным.

Ночной бриз обдувал его ярко-красную одежду, приподняв подол и длинные черные волосы.

Яо Цзюся стоял неподалеку с таким же равнодушным выражением. Он долго смотрел на отражение звезд и луны в озере, прежде чем, наконец, спросил: «Ты когда-нибудь сожалел об этом?»

Лу Цинюй усмехнулся: «Я никогда не буду сожалеть о том, что я сделал.»

Яо Цзюся помрачнел: «Неисправим.» Он взмахнул рукавом и ушел.

Лу Цинюй долго стоял у озера. Только к полуночи он вернулся в деревянный дом. Лу Цинюй вошел в дом и тут же оказался рядом с кроватью. Он смотрел на невинное спящее лицо ребенка. Алые пятна в его глазах постепенно исчезли.

Лу Цинюй коснулся лица дочери. Его голос был таким мягким и нежным, что становился почти жутким: «Никогда не предавай меня, иначе...»

Во сне Лу Яояо, казалось, почувствовала прикосновение к своей щеке. Она бессознательно потеряла её, а затем протянула свою маленькую руку, чтобы схватить большую руку. Обняв руку Лу Цинюя на своей груди, ребенок заснул еще крепче.

Выражение лица Лу Цинюя смягчилось, и он долго смотрел на спящего ребенка.

...в этом мире все еще есть какой-то смысл.